

«ЖЕЛЕЗНАЯ ГВАРДИЯ», КАРОЛЬ II И ГИТЛЕР

(ИЗ ИСТОРИИ РУМЫНСКОГО ФАШИЗМА, МОНАРХИИ И ЕЕ «ИГРЫ НА ДВУХ СТОЛАХ»)

Н. И. Лебедев

Кароль возвращается на румынский престол

В первое десятилетие после окончания мировой войны 1914—1918 гг. в буржуазно-помещичьей Румынии действовало на политической арене немало партий и группировок буржуазии и помещиков; они называли себя «народными», «национальными», «крестьянскими». Но управляла страной в то время фактически одна партия — национал-либеральная. Это была партия крупной буржуазии и части помещиков Старого королевства (то есть территории Румынии до начала первой мировой войны). Созданная еще во второй половине XIX в., она не представляла собой партию в строгом смысле слова. Ее верхушка оставалась своеобразным семейным кланом Братиану, члены которого являлись одновременно крупными землевладельцами, финансистами и промышленниками. Чтобы закрепить свою монополию на управление страной, национал-либералы ввели мажоритарную избирательную систему. Она давала возможность правительственной партии, собиравшей на выборах с помощью фальсификаций, подкупов и полицейского принуждения, как правило, наибольшее число голосов, иметь прочное большинство в парламенте. Семейство Братиану, по призванию румынского короля Фердинанда, представляло собой «вторую династию», игравшую в государственных делах Румынии первую скрипку и порой отодвигавшую на второй план даже монархию. Братианисты самым решительным образом пресекали любые попытки ограничить их господство. Именно на этой почве возник их конфликт с наследным принцем Каролем. Ион Братиану, возглавлявший национал-либеральную партию, опасался молодого и энергичного наследного принца, который, кстати, и не скрывал своих намерений установить, став королем, личную диктатуру. Более того, однажды он пригрозил И. Братиану, что положит конец всемогуществу их семейства. Понимая, что дело может принять серьезный оборот, национал-либералы, чтобы дискредитировать Кароля в глазах имущих классов, стали распространять слухи о «революционности» взглядов наследника румынского престола.

Но Кароль растрачивал свою энергию совсем в ином направлении. Многочисленные любовные похождения наследного принца стяжали ему славу не только в Румынии, но и за ее пределами. В дни, когда румынская армия в годы первой мировой войны под натиском войск противника оставила Бухарест, а королевская семья во главе с королем Фердинандом оказалась в Яссах, Кароль увлекся некоей Зизи Ламбрино и решил на ней жениться. Это известие не встретило одобрения двора. Тогда Кароль заявил, что он не находит нужным принадлежать к королевской семье, и тайком уехал в Одессу, где в православном соборе обвенчался со своей избранницей. Однако по требованию королевского двора Верховный румынский суд признал этот брак недействительным. Чтобы отвлечь принца и заставить его забыть З. Ламбрино, было решено отправить Кароля в кругосветное путешествие на яхте. Он побывал в Индии, Китае, Японии. Там он быстро нашел утешение в ночных клубках. По возвращении в Бухарест принц Кароль женился на греческой принцессе Елене. В 1921 г. у них родился сын Михай. Но брачные узы тяготили принца. Вскоре он увлекся рыжеволосой красавицей Еленой Лупеску «Мой румынский кузен... свидетельствовал болгарский царь Борис, — унаследовал от Гогенцоллернов любовь к рисовке, внешнему блеску, военным мундирам и орденам; от Романовых — страсть бегать за юбками; от Кобургов — житейскую ловкость и беспринципность»¹. Кароль не был каким-то исключением в королевской семье: распущенность и моральное разложение были характерной чертой румынской монархии. Его отец, король Фердинанд, слыл доджуаном. Под стать супругу была его жена, королева Мария, любовника которой Барбу Штирбея называли «верным слугой страны и короны»².

Под предлогом, что поведение Кароля компрометирует румынскую монархию, национал-либеральное правительство в январе 1926 г. провело через парламент акт, лишивший Кароля прав престолонаследия, а также принадлежности к румынской королевской семье. В 1927 г. умер Фердинанд, и королем Румынии был провозглашен его внук, сын Кароля, шестилетний Михай. Регентами при нем назначили принца

¹ Н. Prost, *Destin de la Roumanie 1918—1954*. P. 1954, p. 51.

² Цит. по: A. Gârneață, *Adevărata istorie a unei monarhii. Familia Hohenzollern*. București. S. a., p. 96.

Николае (младший брат Кароля), патриарха Мирона Кресту и председателя Верховного суда Георге Буздугана. Но это регентство являлось лишь фасадом, прикрывавшим всевластие партии Братиану. Кароль с любовницей уехал за границу и стал выжидать «лучших времен». Он и Елена Лупеску обосновались в Париже. Тогда Зизи Ламбрино возбудила против Кароля судебный процесс, обвинив его в «супружеском дезертирстве» и потребовав компенсацию в 10 млн. франков за моральный ущерб. Парижский суд признал действительным решение Верховного румынского суда о расторжении брака между Каролем и Ламбрино и отклонил ее иск. Однако судебное дело на этом не кончилось: оно переходило из одной инстанции в другую и пересылалось из одной страны в другую вслед за путешествовавшим Каролем. Лишь спустя четыре года после его смерти португальский суд в феврале 1957 г. признал сына Зизи Ламбрино Мирчу первенцем в браке румынского короля и единственным законным наследником Кароля, «имеющим право на румынский престол». Тем временем в Румынии назревали события, приведшие к падению могущества национал-либералов. В 1926 г. в результате слияния национальной и царанистской (крестьянской) партий образовалась национал-царанистская партия. Национальная партия была выразительницей интересов румынской буржуазии Трансильвании, вошедшей в состав Румынии после распада Австро-Венгерской монархии. Лидером этой партии выступал Юлиу Маниу, золотопромышленник, один из богатейших людей Румынии. Царанистская партия, руководимая Ионом Михалаке, являлась партией кулачества, сельской буржуазии Старого королевства. Царанисты в годы революционного подъема выступали с демагогическими требованиями радикальной аграрной реформы, превращения Румынии в «крестьянское государство». Национал-царанистская партия стала второй крупной буржуазно-помещичьей партией, сохранив популярности ради в своем названии и программе следы крестьянского происхождения. Не случайно И. Михалаке носил только крестьянский наряд, появляясь даже на официальных приемах в выпущенной поверх крестьянских белых штанов просторной, длинной рубахе и опинках (лаптях). В своем стремлении захватить власть национал-царанисты воспользовались растущим недовольством масс политикой национал-либералов ловко используя монархические настроения отсталого и забитого крестьянства. Поэтому одним из пунктов, по которым национал-царанисты давали бой национал-либералам, было требование о возвращении Кароля на румынский престол. Благожелательность национал-царанистов к Каролю была явно продиктована надеждой нанести удар по национал-либералам с тем, чтобы самим стать у кормила правления. После смерти короля Фердинанда в стране развернулась бурная деятельность не только национал-царанистов, но и находившихся в оппозиции к национал-либеральному правительству других буржуазных группировок, направленная на обработку общественного мнения в пользу Кароля. Весной 1927 г. эмиссар национал-царанистов М. Манойлеску отправился в Париж для установления контакта с Каролем. Сигуранца (охранка) арестовала его и передала военному трибуналу по обвинению в государственном заговоре. В ходе судебного разбирательства Манойлеску в свое оправдание сослался на предсмертное письмо Фердинанда к премьеру Братиану, в котором якобы содержалась просьба короля «в интересах страны вернуть сына». Суд оправдал обвиняемого, в защиту которого выступили бывший премьер генерал Авереску и известный румынский буржуазный историк Н. Иорга. Последний оставил значительный след в культурной и политической жизни страны. Им написано много книг в буржуазном духе по истории различных народов, а также большое число литературных произведений — поэм, пьес, критических статей. Иорга свободно изъяснялся на французском, немецком, итальянском языках. Однако его политическая деятельность не может идти ни в какое сравнение с научной. Он создал национально-демократическую партию, никогда не имевшую большого числа сторонников. Выступая проповедником румынского буржуазного национализма, Н. Иорга занимал в вопросах внешней политики антисоветскую позицию. Его отличало большое тщеславие и болезненная реакция на всякое проявление недостаточного внимания и уважения к его персоне. Иорга не мог простить «промаха» короля Фердинанда, который ни разу не предложил ему возглавить правительство, и потому выступил сторонником возвращения Кароля на престол, взяв под защиту Манойлеску.

В мае 1927 г., когда Кароль и Елена Лупеску прибыли в Лондон, в английских газетах появилось сенсационное сообщение о готовившемся тайном возвращении Кароля на родину, чтобы совершить государственный переворот и занять румынский престол. В газетах утверждалось, будто имеется детально разработанный план этого мероприятия: один из двух нанятых самолетов должен был разбросать над румынской территорией 10 млн. листовок, в которых румынское население призывалось выступить в поддержку Кароля; другой самолет доставит Кароля в Яссы, где предполагалось провозгласить его королем. Узнав об этом, национал-либеральное правительство Румынии обратилось к английскому правительству с просьбой принять срочные меры для предотвращения подобного акта. В английский парламент поступил запрос относительно использования английской территории для предприятия, которое запятнает Англию соучастием в заговоре против дружественной страны. Дело кончилось тем, что Каролу и его любовнице предложили в 48-часовой срок покинуть пределы Великобритании. В сопровождении агентов Скотленд-Ярда они прибыли в Дувр и оттуда переправились через Ла-Манш в Бельгию. Попытка вернуться в Румынию и вступить на престол на сей раз сорвалась. Чтобы уменьшить шансы Кароля

утвердиться на румынском троне, летом 1928 г. тот же Верховный суд, что аннулировал брак Кароля с Зизи Ламбрино, объявил расторгнутыми брачные узы между ним и королевой Еленой, матерью Михая.

В конце 1928 г. власть перешла в руки национал-царанистской партии, которая в глазах народа еще не успела проявить свою истинную сущность и потому казалась господствующим классам Румынии способной справиться с нараставшим в стране революционным движением. Как только Ю. Маниу стал премьером, он поднял вопрос о возвращении Кароля в Румынию, полагая, что утверждение его на престоле будет служить препятствием для нового прихода к власти национал-либералов. При этом Маниу поставил перед Каролем два условия: контроль парламента над деятельностью короля (национал-царанистского лидера беспокоили диктаторские замашки Кароля); Елена Лупеску не должна возвращаться в Румынию. Для передачи Каролю этих условий Маниу направил в Париж, где обосновался претендент на румынский престол, нового эмиссара — П. Шейкару. Посланец Маниу получил невнятный ответ, свидетельствующий скорее об отклонении, чем о принятии требований национал-царанистского премьера. Вскоре в Румынии был раскрыт заговор военных, целью которого было свержение регентов и утверждение Кароля на престоле. После провала этого заговора вопрос о «незаконном пути» возвращения Кароля в страну сам собой оказался отодвинутым на задний план: обострение хозяйственного и политического положения Румынии в годы мирового экономического кризиса (1929—1933) заставило господствующие классы обратиться к Каролю, чтобы установить власть «твердой руки».

В силу целого ряда факторов кризис 1929—1933 гг. проявился в Румынии с особой остротой. Резко сократилось промышленное производство, закрылись многие предприятия. Лишь нефтяная промышленность была исключением: добыча нефти в те годы увеличилась с 4,8 до 7,3 млн. тонн. Резко упало сельскохозяйственное производство. Кризис полностью дезорганизовал финансы страны. В 1928—1931 гг. число банкротств банковских и промышленных предприятий возросло в несколько раз. Экономический кризис всей своей тяжестью обрушился на трудящихся города и деревни. Это не могло не вызвать подъема революционной борьбы народных масс. Весной 1929 г. более месяца длилась забастовка на лесоразработках в долине Муреша. Одной из самых значительных битв пролетариата была забастовка шахтеров в Лупени, для подавления которой правительство вызвало войска. Свыше 100 рабочих было убито и ранено. «Ленский расстрел в Румынии» — так охарактеризовала советская газета «Правда» события в Лупени 5—6 августа 1929 года. За героическими боями шахтеров Лупени последовали выступления румынского пролетариата в Яссах, Бухаресте и других центрах страны. Доведенное до отчаяния голодом и нуждой, трудовое крестьянство также включилось в революционное движение, самовольно захватывая помещичьи земли и отказываясь платить налоги. Участились столкновения крестьян с полицией и жандармерией. Румыния вступила в полосу острого политического кризиса. Именно в этих условиях Кароль сумел прийти к власти.

В первых числах июня 1930 г. буржуазная пресса Западной Европы и Америки подала как большую сенсацию «драматические события» в Румынии, где королевский престол занял «романтичный», «ставящий любовь превыше всего» «король-Ромео» Кароль. Переговоры с ним были возобновлены национал-царанистским правительством еще в начале 1930 года. В Париже вновь побывал М. Манойлеску, чтобы поставить Кароля в известность об условиях, на которых его могли бы принять в стране: он должен порвать с Еленой Лупеску и поначалу согласиться быть регентом при малолетнем короле Михеа. 6 июня 1930 г., оставив в Берне свою любовницу, Кароль под именем капитана Мезюрье вылетел в Париж, оттуда в Мюнхен. По прибытии Кароля в Бухарест сразу же обнаружилось серьезные разногласия среди правящей верхушки. Национал-либералы были против возвращения Кароля в страну. Глава национал-царанистов Ю. Маниу предлагал хотя бы на время назначить Кароля членом регентского совета вместо принца Николае. Но Кароль отверг это предложение. Тогда у Ю. Маниу возникла новая «блестящая идея»: все члены нынешнего регентского совета уходят в отставку, а Кароль становится как бы королем-отцом при царствующем короле Михеа. Но и это предложение отклонил строптивый Кароль, добивавшийся немедленного его провозглашения королем Румынии. Его диктаторские замашки пугали правительство. Тем не менее 8 июня парламент принял решение, отменявшее акт отречения Кароля от престола и провозглашавшее его румынским королем под именем Кароля II. Михай стал «великим воеводой Альбы-Юлии», наследником румынского трона. Достигнув желанной цели, Кароль II, вняв уговорам национал-царанистов, сделал попытку примириться со своей бывшей женой королевой Еленой. Национал-царанистские лидеры настаивали на восстановлении этого расторгнутого брака ради поднятия авторитета короля среди румынского крестьянства и городского мелкобуржуазного населения, все еще питавшего иллюзии в отношении монархии. Однако эта попытка окончилась неудачей, ибо рыжеволосая спутница Кароля в начале августа 1930 г. возвратилась в Бухарест, несколько не считаясь с тем, что подобная ситуация серьезно нарушала интересы царанистов. После этого бывшая жена короля Елена через несколько месяцев покинула пределы страны. Напомним еще раз, что провозглашение Кароля II королем Румынии было вызвано, даже по признанию буржуазной литературы, «резким ухудшением» положения в стране в годы мирового экономического кризиса, так что обострение классовый борьбы толкало

правительственные круги к установлению «сильной власти». Видя, что методы буржуазной демократии и парламентаризма не дают должного эффекта, господствующие классы Румынии решили пойти по пути утверждения диктаторского режима, способного, по их мнению, справиться с борьбой трудящихся масс. Но возведение Кароля II на престол явилось только первым шагом в этом направлении.

То, что раньше считалось криминалом, а именно — стремление Кароля к личной диктатуре, теперь, в условиях резкого обострения внутривластной обстановки, оказалось его «главным достоинством». В глазах румынских буржуазно-помещичьих кругов Кароль был крайне нужным человеком. Они связывали с ним надежды на преодоление экономического кризиса и тешили себя тем, что возвращение Кароля произведет магическое действие на экономическое положение Румынии. Более того, имущие классы ожидали, что Кароль II сможет оградить их интересы, переложив всю тяжесть экономического кризиса на плечи трудящихся. Вступление Кароля II на престол было с удовлетворением встречено и зарубежными империалистическими кругами. «С нынешнего дня я больше не беспокоюсь о финансовой стабилизации в Румынии», заявил по поводу возвращения Кароля II финансовый эксперт Ш. Рист, которого направили в Румынию в качестве контролера иностранные банки, предоставившие ей так называемый «заем стабилизации». Такой заем был вызван критическим положением. «Страна страдала не только от экономического кризиса, — замечал биограф нового румынского монарха, — ее раздирали политические распри, стычки между различными партиями, вызывавшиеся зачастую личной амбицией и обстановкой всеобщей коррупции. Поэтому Кароль II все чаще обращал свои взоры к событиям в других, более сильных странах в надежде обнаружить здесь что-либо, стоящее подражания»³. Ему импонировало положение дел в Германии и Италии, где расчищали себе дорогу фашистские режимы, жестоко подавлялись выступления демократических сил. Кароль II также взял курс на установление диктатуры в стране. Стремясь к единоличной власти, он проводит в жизнь ряд мероприятий. Одним из первых актов явилось укрепление влияния Кароля в верхушке армии, которая должна была стать его главной опорой. В октябре 1930 г. он вручил маршальские жезлы генералам Авереску и Презан. Большое место отводилось и обработке общественного мнения, внедряя мысли о «необходимости» и «благотворности» сильной, неограниченной королевской власти, которая якобы положит конец политической коррупции и политиканству партийных деятелей. Кароль II использовал любой случай, чтобы выступить перед публикой. В каждом утреннем номере газет помещался его портрет. Как опытный демагог, король в своих выступлениях учитывал характер аудитории, к которой обращался, подлаживаясь под вкус своих слушателей. «Если бы я не был королем, я хотел бы стать крестьянином...», — говорил он сельским жителям. «Если бы я не был королем, я хотел бы стать учителем...», — с такими словами обращался Кароль II к деятелям просвещения. «Если бы я не был королем, я хотел бы стать шахтером...» Он даже сфотографировался в шахтерской одежде с лампой в руках. Как свидетельствуют современники, Кароль II проявил себя мастером интриги, специалистом по части раскола рядов своих противников. Он декларировал свое намерение править страной, опираясь на «молодое поколение». Этим же дозвоним Гитлер привлекал на свою сторону обольщенную фашизмом германскую молодежь. По такому же пути намеревался идти и румынский король, чтобы подорвать силу и влияние буржуазно-помещичьих партий, где существовала оппозиция его диктаторским планам. Кароль сумел завоевать симпатии видных национал-царанистских и национал-либеральных политиков, не устоявших перед соблазнами быть обласканными монархом, удовлетворить свои честолюбивые намерения, сделать блестящую карьеру. «С пугающей быстротой Кароль начал превращаться из короля, правящего через парламент, в короля-диктатора», — отмечал его биограф.

И вскоре по возвращении в Румынию Кароль II предпринял попытку установить режим личной диктатуры. Но, хотя в этом его поддерживала некоторая часть румынской буржуазии и помещиков, а также англо-французские монополистические круги, попытка на сей раз не увенчалась успехом: в Румынии не созрели все необходимые условия для установления диктаторского, фашистского режима. В дальнейшем румынский король упорно стремился к усилению своей личной власти, проводя фактически фашизацию страны. В политической области это находило свое выражение в постепенной утрате парламентом его значения. Весной 1931 г. национал-царанистское правительство, порядком утратившее влияние в массах в результате проведения антинародного и антинационального курса, ушло в отставку. Кароль II поручил формирование нового правительства Н. Титулеску, известному политическому деятелю и дипломату, славившемуся своим красноречием. «Трудно найти в Европе между двумя мировыми войнами другого дипломата, который мог бы сравниться с ним в этом деле», — пишет о нем румынский автор. Титулеску был человеком одаренным. Он блестяще закончил правовой факультет Сорбонны, став одним из лучших бухарестских адвокатов. Затем внимание Титулеску привлекли финансовые вопросы, в которых он также мастерски разбирался. В 1917 г., в возрасте 34 лет, Титулеску возглавил министерство финансов. В последующие годы он подвизался на дипломатическом поприще: был посланником в Великобритании и одновременно представителем Румынии в Лиге наций. По мнению французского автора, при Титулеску Румыния играла роль, превышавшую ее значение

³ В. Carland. The Scandalous Life of King Carol. L. 1957, p. 138.

в мире⁴. Тот же автор описывает его внешность. Высокий, полный и, казалось бы, пышущий здоровьем, Титулеску был в действительности болезненным человеком. Его часто знобило. Поэтому он предпочитал готовить свои выступления и писать статьи, находясь в теплой постели, которая была его «рабочим столом». Титулеску обладал удивительной памятью, позволявшей ему, не прибегая к оригиналу, воспроизводить полностью тексты документов, с которыми он ранее работал. Его отличало исключительное самолюбие и уверенность в своей «незаменимости». Когда в 1935 г. его кандидатура была выдвинута в члены Румынской Академии наук, а Н. Иорга выступил против, Титулеску заявил, что он отказывается стать академиком, если не будет избран единогласно. Кароль надеялся, что этот не принадлежавший ни к одной партии премьер будет послушным исполнителем его воли. Однако попытка Н. Титулеску создать правительство из представителей различных политических группировок не удалась.

Тогда Кароль II распустил парламент и дал полномочия на создание нового кабинета Н. Иорге. Внешний вид этого весьма эрудированного человека, высокого, длиннорядого, с лысой головой, напоминал, как отмечает современник, патриарха, что усиливало его интеллектуальное воздействие на собеседника. Кароль решил воспользоваться этой авторитетной в буржуазных кругах фигурой, тем более что его удовлетворяла политическая платформа Н. Иорги, боровшегося против революционного движения в стране и зарекомендовавшего себя сторонником антисоветской политики. Еще в 1923 г. Н. Иорга утверждал: «Революция невозможна в Румынии, потому что в стране нет рабочего класса. Если и может идти речь о революции, то только о крестьянской, имеющей одну цель — землю. Но крестьяне получили ее; поэтому все кончено». Эти слова, отнюдь не отражавшие действительного положения вещей, были лишь своего рода заклинанием против революции.

Правительство Н. Иорги, получившее даже в реакционных политических кругах название правительства «твердой руки», отвечало устремлениям Кароля. В это время многие гражданские служащие были заменены военными чинами, давшими присягу верности лично королю. Чтобы еще больше укрепить свое влияние в армии, Кароль II установил для военных более высокие оклады, чем для гражданских государственных служащих. Правительство Н. Иорги продержалось только год. После его отставки Н. Титулеску вновь попытался создать кабинет, но и на этот раз его постигла неудача. В мае 1932 г. к власти вновь пришла национал-царанистская партия; сперва правительство возглавил крупный финансист А. Вайда-Воевод, затем Ю. Манну.

Румынский король был одним из крупнейших капиталистов в стране: он владел многими акциями банков и промышленных предприятий, в том числе акциями «Банка румынского кредита», «Решицы», «Малаксы», «Астра ромына» и другими, оценивавшимися в 1935 г. в сумме около 60 миллионов лей. О том, каким образом разбогател Кароль II, живописно рассказывает румынский автор, написавший книгу «Истинная история одной монархии»: «За десять лет своего правления (1930—1940 гг.) король Кароль стал совладельцем 34 крупных и средних предприятий. После первого года пребывания на престоле, 7 июня 1931 г., начали завязываться его связи с крупными румынскими капиталистами М. Аушнитом и Н. Малаксой. В этот день Пуяй Думитреску (адъютант короля) устроил для них аудиенцию. В то время как Малакса стоял, держа в руках портфель, в котором находилось сто миллионов лей, Аушнит завел речь об успехах крупной промышленности, достигнутых благодаря королевской поддержке. Затем Малакса возвысил голос и произнес: «Ваше величество! Крупная промышленность глубоко признательна вам за все то, что вы сделали, и просит вас принять эти сто миллионов лей как скромный вклад за оказываемую дворцом поддержку». Позднее, рассказывая друзьям об этой сцене, Малакса вспоминал: «Мы ожидали, что последует большой скандал и нас выставят из дворца. Но ничего подобного не случилось. Кароль II поочередно пожал нам руки, а затем наградил орденами. Вечером мы играли все вместе в бридж, и никто не завел речи о том, что произошло на аудиенции». 30 марта 1932 г. рыцари индустрий вновь побывали во дворце с тем же церемониалом, вручив на этот раз королю двести миллионов лей. С каждым годом сумма увеличивалась примерно на сто миллионов лей, достигнув в 1936 г. 650 миллионов лей».

Укрепившись на румынском престоле, Кароль II не преминул свести счеты с лидерами национал-либеральной партии, в свое время противившимися его возвращению в страну. Его действия были направлены на то, чтобы ослабить возможный протест со стороны этой партии своим планам установления диктатуры. После смерти И. Братиану главой национал-либералов стал И. Дука, который, по свидетельству журнала «Lupta de clasă» (орган ЦК КПП), с самого начала своей политической карьеры являлся смертельным врагом революционного пролетариата. Однако Дука не одобрял заигрываний Кароля II с фашистской организацией «Железная гвардия», выступавшей агентурой гитлеровцев в Румынии, поскольку считал, что это может ослабить внешнеполитические связи с Францией, на которую ориентировались национал-либералы. Возглавив в конце 1933 г. правительство, он вскоре был убит. «Не будет слишком смелым утверждать, — отмечает один французский автор, —

⁴ Н. Prost. Op. cit., p. 18.

что убийство Дуки было совершено при участии министра внутренних дел Инкулца и префекта полиции Маринеску. Король и его любовница ненавидели Дуку, который в июне 1930 г. выступал против возвращения Кароля на престол»⁵. К тому времени в национал-либеральной партии существовали две группировки — «старые» и «молодые». Экономические интересы первых были связаны с такими «старыми» для Румынии отраслями промышленности, как легкая, текстильная, пищевая. «Молодые либералы» представляли интересы тех кругов румынской буржуазии, которые действовали в отраслях тяжелой и военной промышленности, получивших развитие в Румынии после первой мировой войны. Эти круги зависели от государственных заказов и покровительства самого Кароля II, заинтересованного в их процветании. Не случайно поэтому формирование правительства король поручил в 1934 г. лидеру «молодых либералов» Г. Татареску, а не главе «старых либералов» Д. Братяну, избранному после гибели Дуки председателем национал-либеральной партии. Маневр Кароля содействовал тому, что раздоры среди национал-либералов переросли во враждебную озлобленность, еще более усилился раскол в партии и значительно были ослаблены позиции «старых либералов».

Г. Татареску слыл незаурядным оратором, но был беспринципным политиком, готовым на все ради карьеры. Будучи заместителем министра внутренних дел, он направил в 1928 г. циркуляр во все префектуры, в котором приказывал стрелять в принца Кароля, если тот появится в Румынии. С утверждением Кароля II на престоле Татареску стал крайне услужлив, чем и завоевал расположение румынского монарха. Благодаря этим качествам Татареску, начав подвизаться на политическом поприще еще в 20-е годы, сумел продержаться у власти до середины 1947 года. Он зарекомендовал себя непримиримым врагом революционно-освободительной борьбы трудящихся. Ему принадлежит, в частности, кровавые лавры подавления народного восстания в Татарбунаре (Бессарабия) в 1924 году. С назначением Г. Татареску на пост премьер-министра, отмечала Компартия Румынии, «существенно возросла роль королевской «камарильи» и военной клики, а фашизация либеральной партии и государства сделала значительный шаг вперед»⁶. Правительство Татареску, находившееся у власти почти четыре года, фактически игнорировало парламент. Его политику определяла королевская «камарилья», состоявшая из магнатов финансового капитала и промышленников, высокопоставленных военных и гражданских чиновников, одобрявших курс Кароля. Последний же, в свою очередь, представлял им широкие возможности для обогащения. Наибольшим влиянием среди этого окружения пользовался сам Г. Татареску, М. Аушнит, Н. Малакса, К. Арджетоану. Крупный аграрий и финансист, Арджетоану пользовался значительным влиянием на Кароля II, которого поддерживал в проведении реакционного курса во внутренней и внешней политике. В жизни он долго не мог найти себя: сперва учился на врача, затем перешел в Школу политических наук в Париже. (Хотя он стал политиком, его речь и суждения сохранили на всю жизнь в какой-то степени отпечаток учебы на медицинском факультете.) Коррупция и моральное разложение, маразм и загнивание — вот отличительные черты румынского буржуазного общества. Тон задавал Кароль II. «Помимо любовниц, более или менее длительное время посещавших Кароля, — пишет один румынский автор, — каждую ночь он приводил на квартиру, расположенную позади дворца, женщин всех категорий. Здесь проходили чередом девицы легкого поведения, девушки из разных слоев общества, дочери и жены магнатов и министров. Последние сами провожали их до дверей королевских апартаментов. Честь семьи ничего не значила, если речь шла о получении новых привилегий. И развращенность короля была хорошим поводом, который нельзя было упускать»⁷. Поистине все средства хороши, если они ведут к еще большему обогащению, — таково омерзительная мораль капиталистического общества.

Особое место в королевском окружении занимали министр двора Э. Урдаряну и «первая дама» Е. Лупеску, которые, используя свое влияние на Кароля II, выступали ходоками-комиссионерами по делам промышленных магнатов и крупных аграриев. Многие не без основания считали любовницу Кароля II некоронованной королевой Румынии. Находившийся под ее влиянием король исполнял все пожелания своей любовницы. Ее вилла была подключена к прямой линии телефонной связи между рабочим кабинетом короля и всеми министерствами. Э. Урдаряну, осыпанный дождем щедрых комиссионных, быстро разбогатев, вошел в правления многих промышленных и финансовых обществ, вызывая тем самым зависть и ненависть со стороны менее удачливых соперников, которые, намекая на его способ обогащения, прозвали этого человека Мурдаряну (от румынского слова «мурдар» — грязный). Даже те, кто одобрял фашистский внутриполитический курс Кароля, не могли простить ему увлечения Еленой Лупеску. Верхушка монополистической буржуазии, сгруппировавшаяся вокруг короля, в 1934—1937 гг. широко использовала аппарат румынского государства для усиления своих экономических и политических позиций. Отрасли промышленности, в которых королевская «камарилья» была особенно заинтересована, объявляли «национально важными». Они получали государственные субсидии, освобождались от налоговых обложений, пользовались льготным тарифом на транспорте.

⁵ Ibid., p. 67.

⁶ «Documente din istoria PCR, 1934—1937». Vol. IV. București. 1957, p. 70.

⁷ A. Gârneață. Op. cit., p. 102.

Основной источник финансирования государственных расходов на поощрение «национально важной промышленности», на оплату выгодных заказов монополистам оставался прежний — налоговое обложение населения. Буржуазная румынская газета «Argus» насчитала 54 вида прямых и косвенных налогов, взимаемых с населения. Здесь и налог «на вооружение» с продажи хлеба, и налог «на авиацию» с крупного рогатого скота, налоги на ткани, электричество, сахар и многое другое. О размере косвенных налогов можно судить по следующему примеру: в стоимость одного килограмма сахара — 28 лей — входили 16 лей косвенных налогов. Политика правительства королевской «камарильи» привела к резкому ухудшению жизни румынских трудящихся. Заработок пролетария был здесь одним из самых низких в Европе. Например, месячная заработная плата стрелочника равнялась 7 американским долларам. Об ужасающей нищете румынского крестьянства не могла умолчать даже официальная пресса, сообщавшая о продаже с торгов «имущества» должника, состоявшего из «двух женских платков, трех разбитых чашек, обломок стакана, наперстка, двух дубинок с именем Костаке Граду, катушки ниток, кошелька с двумя леями и двух свидетельств о бедности». Депутаты румынского парламента вынуждены были признавать, что «крестьянство продолжает нищать, его жизненный уровень, низкий еще до войны, постоянно падает, крестьянин недоедает, ходит в лохмотьях, его хозяйство рушится»⁸. В расширенный пленум ЦК КПП (август 1936 г.) резюмировал, что «крестьянство, рабочий класс, ремесленники, служащие, интеллигенция, мелкие торговцы поставлены в условия физического вырождения. Крестьяне мрут от голода, пеллагры, сифилиса, сыпного тифа. Социальные болезни приобретают эпидемический характер и среди городского населения. Туберкулез косит служащих. Больницы закрываются, смертность растет, а рождаемость падает». Все это вызывало недовольство политикой румынской правящей верхушки, вело к обострению классовых противоречий, к активизации борьбы трудящихся масс за свои жизненные права. Подавить это сопротивление и укрепить свое господство правящая элита стремилась путем установления фашистской диктатуры. Разоблачая политику фашизации страны и подготовки к новой мировой войне, Компартия Румынии в одном из своих документов писала: «Фашистские методы Гитлера и Муссолини без зазрения совести вводятся в практику буржуазно-помещичьей диктатуры Румынии». В 1935 г. предпринимались попытки изменить конституцию с тем, чтобы усилить власть короля. Входивший в королевскую «камарилью» генерал Г. Маринеску в июне 1935 г. выступил по радио, склоняя слушателей к мысли, что король должен управлять страной единолично. Представитель финансово-монополистических кругов М. Манойлеску ратовал в парламенте за установление сильной власти, могущей реорганизовать экономику страны. Даже активный участник фашизации страны К. Арджетоану записал тогда в своем дневнике: «...Правительство Татареску продолжает сохранять чудовищную цензуру, управляет страной путем королевских декретов, вводит налоги, изменяет всю экономическую структуру — и все это путем декретов, противоречащих конституции. А наша демократия (национал-либеральные и национал-царанистские деятели во главе с Братяну и Маниу — Н. Л.) аллодирует ему и дрожит, боясь изменения конституции и трепеща перед диктатурой». Соперничество и открытая неприязнь различных группировок буржуазии и помещиков в какой-то мере мешали установлению в то время фашистской диктатуры в Румынии. Но главным препятствием на пути к диктаторскому режиму были демократические силы страны, возглавляемые коммунистами. Для борьбы против этих сил, а также против конкурентов и соперников на политической и экономической арене королевская «камарилья» широко использовала возникшие в стране фашистские организации.

«Железная гвардия» поднимает голову

Особенностью фашизма в странах Юго-Восточной Европы, отмечал Г. Димитров, было то, что он распространялся здесь «не снизу как массовое движение для захвата власти, а, наоборот, сверху, из государственного аппарата»⁹. В отличие от Германии и Италии, где фашистские партии с помощью беззастенчивой социальной и националистической демагогии пытались привлечь на свою сторону прежде всего массы и придать борьбе за власть характер движения снизу, в Румынии фашизм, если можно так выразиться, шел сверху. Господствующая верхушка монополистической буржуазии и помещиков стремилась путем государственного переворота установить монархо-фашистскую диктатуру, а затем расширить ее базу. В Румынии фашизм зародился в начале 20-х годов вследствие реакции буржуазии на подъем революционного движения, развернувшегося под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции. Питательной средой для фашистов были в первую очередь мелкобуржуазные слои города и деревни, которые, разоряясь, переходили в разряд люмпен-пролетариев. Недовольство этих слоев населения господствующими классами Румынии направляли в русло антисемитизма и антикоммунизма. В стра-

⁸ «Monitorul oficial Partea III-a, desbaterile parlamentare», № 19, ședința din 3. Ianuarie 1937, p. 658.

⁹ Г. М. Димитров. Избранные произведения. Т. 1. М. 1957, стр. 299.

не разжигался крайний национализм, а антисемитизм стал одним из главных официальных лозунгов.

Одной из первых фашистских организаций в Румынии была «Лига национал-христианской защиты», возникшая в 1923 году. Возглавил ее профессор Ясского университета А. Куза, тщедушный старичок с белой бородкой, считавший себя «отцом современного антисемитизма» и предтечей Гитлера. Первым актом Лиги было выражение явного недовольства, сопровождавшегося кровавым путчем, по поводу того, что румынский парламент во исполнение решений Версальской конференции принял закон о признании прав гражданства за евреями. К премьеру И. Братиану Лига направила делегацию с требованием ограничить сферу деятельности евреев в экономической и финансовой жизни страны, уменьшить их прием в университеты. И. Братиану отклонил это требование. Тогда члены Лиги решили составить список лиц, подлежащих уничтожению путем террора. Не успев приступить к реализации своего плана, они были арестованы и преданы суду. Но суд оправдал их под предлогом того, что «преступление осталось в стадии проекта и не было начато его осуществления». Во время суда один из обвиняемых, Ион Моца, застрелил другого обвиняемого, заподозренного в «измене». Суд оправдал как убийцу, так и человека, давшего ему оружие, выступив заодно с одним из лидеров Лиги, К. Кодряну, который в защитительной речи сказал, что «убийство предателя является делом общественного оздоровления». В 1925 г. внутри «Лиги национал-христианской защиты» стали заметны расхождения между К. Кодряну и А. Кузой по вопросу о целях и методах деятельности этой организации. Экстремистски настроенные студенты во главе с Кодряну высказывались за захват власти и жаждали установления военной дисциплины в организации. Куза и его сторонники не поддержали эту точку зрения и даже отнеслись к ней с иронией. Тогда Кодряну и Моца «уехали на учебу» во Францию, и, казалось, конфликт был исчерпан. Но два года спустя Кодряну обвинил «стариков» (Кузу и других) в том, что они «продались евреям». В «Лиге национал-христианской защиты» произошел раскол. Кодряну, Моца и их единомышленники сомневались в том, что под руководством Кузы Лига сможет стать партией, близкой к гитлеровской. И, выйдя из «Лиги национал-христианской защиты», они создали в 1927 г. фашистскую организацию под названием «Легион Михаила Архангела». Эта организация поначалу не имела определенной политической программы. Желая вызвать к себе благосклонное отношение народных масс и спекулируя на их чувстве ненависти к политиканству и коррупции, Кодряну заявил, что его легион «будет скорее школой или войском, чем политической партией».

В этой фашистской легионерской организации насаждался мистицизм, в поджигательские речи ее лидеров вкрадывался богословский мотив о «создании гармонии душ» с помощью пения религиозных гимнов. Легионерам предлагалось заниматься «героической тренировкой душ», готовя себя к самопожертвованию при свершении террористических актов. В помещении «Легиона Михаила Архангела» все стены пестрели такими лозунгами: «Кто не имеет меча, пусть продаст одежду и купит его!», «Не губи героя, который в тебе есть!», «Кто умеет умирать, никогда не будет рабом!», «Умирают только раз!». На географической карте Румынии черными точками были обозначены еврейские местечки. Кодряну был настроен на «полное и абсолютное устранение евреев мирным путем, если возможно, а если нет, то любыми средствами». «Легион Михаила Архангела» издавал газету «Pământul strămoșesc» («Земля предков»), источавшую от первой до последней строчки яд национализма. Крайний антисемитизм, оголтелый воинствующий антикоммунизм — вот идейная основа этой организации. Не случайно Кодряну сперва хотел назвать ее «Антикоммунистической фалангой». Он предпринял шаги к распространению влияния своей фашистской группы, делая упор на деревню. Легионеры обещали крестьянам, что «скоро придет новое время, когда каждый будет иметь свое место в жизни согласно его вере в бога и качеству его души, а не по образованию и дипломам». Тогда же в «Легион Михаила Архангела» волилась другая фашистская группа — «Братья по кресту», действовавшая в Галаце под руководством М. Стелеску. На первом съезде легионерских ячеек в январе 1929 г. был образован так называемый сенат из легионеров старше 50 лет, который должен собираться всякий раз, когда глава организации К. Кодряну, именовавший себя «капитаном», будет нуждаться в «разумном совете». Члены сената назначались самим Кодряну. В 1931 г. «Легион Михаила Архангела» был переименован в «Железную гвардию», организованную на военный лад. В отличие от германских фашистов, носивших коричневую рубашу, и итальянских, одевавшихся в черную, железногвардейская униформа состояла из зеленой рубашки, пояса с португеей и эмблемой в виде голубой свастики на желтом фоне. Возглавляли легионерские ячейки командиры, которые каждый год переизбирались. Они же стояли во главе городских, уездных и областных организаций «Железной гвардии». Приказы командиров подлежали беспрекословному исполнению, нарушителей дисциплины подвергали суровым наказаниям, вплоть до физической расправы и уничтожения. Для осуществления террористических актов в мае 1933 г. был создан специальный отряд смертников-легионеров, «готовых отдать жизнь за легион».

Фашистское движение в Румынии развивалось на той же идеологической основе, что в Германии и Италии. «Железная гвардия» многое позаимствовала у германских и итальянских фашистов в области идеологического воздействия на население. Без-

удержная демагогия была ее испытанным приемом. Вожаки железногвардейцев заявляли, что они хотят «возвратить румынский народ», «устранить социальную несправедливость», обещали народу «честную и неподкупную власть», крестьянам сулили дать землю в соответствии с провозглашенным «Железной гвардией» лозунгом «*Omni zi rogooni!*» («На каждую душу — полгектара»), освободить от ростовщиков, уничтожить обременительные налоги. Легионеры-железногвардейцы на словах развили бурную атаку против трестов и крупного капитала, выступая в пользу «легионерского социализма». Под последним подразумевался «улучшенный строй», по-прежнему основанный на частной собственности, строй, в котором якобы исчезнут классовые противоречия и наступит «эра социальной справедливости». Железногвардейцы обещали ликвидировать эксплуатацию человека человеком благодаря «полной оплате труда» и участию рабочих в доходах капиталистического предприятия. Они ополчились даже на буржуазное государство, где «за деньги можно добыть всевозможный пост, почет и т. п.», а взамен предлагали такое легионерское государство, в котором якобы труд «наряду с верой и жертвами будет считаться самым важным достоинством» человека¹⁰. Лозунги железногвардейцев со всей очевидностью показали, что фашизм в Румынии, как и в других странах, во многом являлся реакцией на успехи и рост влияния коммунистического движения, демагогически использовал отдельные популярные лозунги, чтобы постараться привлечь народные массы на свою сторону.

Являясь сторонниками диктаторского режима, железногвардейские вожаки выступали против всеобщего избирательного права, ибо оно, по их утверждению, не могло обеспечить выбор наиболее достойных национальных лидеров. «Массы не обладают инстинктом иерархии ценностей, для них свобода не является фактором культуры и образования, а лишь повод для анархии и разгула». Всеобщее избирательное право имеет, по их мнению, и другой недостаток, заключающийся в том, что оно содействует созданию многих партий, которые руководствуются лишь материальными интересами, а это ведет к расколу нации и дает возможность международному финансовому капиталу господствовать на основе принципа «Разделяй и властвуй». Легионеры в демагогических целях клеймили буржуазную демократию, называли ее «рабом момента», потому что она подстраивается под избирателей, в погоне за голосами не руководствуется длительной перспективой и живет за счет обычных страстей и элементарных социальных инстинктов. Демократия, заявлял один из румынских фашистских теоретиков, ведет к гибели нации. Спекулируя на недовольстве народа, «Железная гвардия» настаивала на том, что «нация не может больше терпеть бесконечной смены у кормила государственного правления одних и тех же партий», и требовала передачи власти из «немогущих трясущихся рук астматиков» в руки молодого поколения, оплодотворенного принципами Ницше.

Идеологи легионерского движения, исходившие из того, что в румынском крестьянстве, составлявшем подавляющее большинство населения страны, были сильные монархические настроения, заявляли об их приверженности короне, которой будто бы сильно угрожала буржуазная демократия. В то время как буржуазная демократия отрицает главенствующую роль короля в управлении нацией, писал В. Марин, один из ближайших соратников К. Кодряну, «национализм является монархическим по своей сущности»¹¹. По примеру итальянских фашистов румынские легионеры намеревались использовать монархию в своих целях. Деятельность «Железной гвардии» вызывала явную симпатию у православного духовенства, которое пользовалось большим влиянием среди румынского крестьянства. Священники стали активно помогать легионерам, являясь одними из наиболее ярых пропагандистов фашистского движения, привлеченного их лозунгом «защиты православной религии и креста Христа» от еретиков, безбожников и «разрушителей церквей». Железногвардейские руководители приписывали себе заслугу в том, что они «впервые в мире осуществили соединение политического движения (фашизма.— *Н. Л.*) с религиозной структурой». Чтобы оказать должное впечатление на одурманенных религией, забытых и отсталых румынских крестьян, железногвардейцы театрально обставляли свои приезды в деревни: они, вооружившись копьями, въезжали подобно архангелу Михаилу, именем которого назывался их легион. Их собрания и демонстрации начинались с религиозных служб, были полны мистики, экзальтированы присутствующих. По окончании собрания ячейки железногвардейцы вставали лицом на восток, поднимали руку в фашистском приветствии и повторяли вслед за своим командиром клятву верности легиону.

«Железная гвардия» проповедовала обскурантизм и бескультурье, под предлогом сохранения «самобытности» нации выступала против образования и просвещения народных масс. «Если мы введем высшие школы, библиотеки, культурные центры, то бог знает, что может произойти с нашей румынской душой. В современных условиях неграмотная страна должна быть нашим идеалом. Еще нужно посмотреть, останется ли румын самим собой, если он начнет умываться каждый день», — писал один легионер-мракобес. «Железная гвардия» ратовала за то, чтобы румынский народ остался «самим собой» потому, что, темный, забытый, он легче подвергался бы

¹⁰ T. Herseni. *Miscarea Legionara și muncitorimea*. București. 1940, pp. 20—22.

¹¹ V. Marin. *Crez de generație*. București. 1940, pp. 19, 22, 31—33.

воздействию легионерского мистицизма. Фашистскому движению в Румынии, так же как в Германии и Италии, придавался характер движения господствующей нации. Если в Италии это была «латинская», а в Германии — «арийская» расы, то в Румынии пропагандировались «чистые валахи»¹². Легионеры вели разнузданную антикоммунистическую пропаганду, разжигали национальную рознь и вражду к Советскому Союзу, чтобы под прикрытием громких фраз о «возрождении Румынии» подстрекать к захвату территорий на Востоке. Лозунг международной пролетарской солидарности вызывал ярую ненависть у румынских фашистов-железнодорожников. Клеветой на Коминтерн и Коммунистическую партию Советского Союза они пытались подорвать веру румынских рабочих во всепобеждающие принципы пролетарского интернационализма. «Коммунизм требует, чтобы пролетарии всех стран соединялись. Таким путем нация раскалывается изнутри, а часть ее членов объединяется с врагами страны и предателями нации. В результате этого чужестранцы смогут вмешаться в наши внутренние дела, а ты, как румынский коммунист, будешь получать приказы из Москвы», — внушали рабочим румынские фашисты. Интернационализм, как и классовая борьба, утверждали идеологи легионерского движения, будто бы не имеет ничего общего с интересами рабочего класса¹³. Железнодорожники заявляли, что «Румыния со всеми ее квадратными километрами есть румынская страна, а не многонациональное государство». От национальных меньшинств, проживавших в Румынии, они требовали «быть лояльными». Как писала румынская фашистская газета «Аха» («Ось»), национальные меньшинства могут иметь те же права, что и румыны, «если это не угрожает существованию румынского государства и народа»¹⁴.

По своему социальному составу легионерское движение не было однородным: в нем принимали участие люди, принадлежавшие к различным слоям общества. «Железная гвардия» состояла в основном из мелкой буржуазии города и деревни — ремесленников, мелких торговцев, кулаков. Наряду с ними ядро легионерского движения составляли представители разорившейся аристократии — потомки тех, кто не смог после аграрной реформы перестроить хозяйство на капиталистический лад, промотав остатки былого богатства. Активными легионерами были студенты и молодежь, вышедшая из буржуазных слоев, дети кулаков, деревенских торговцев, спекулянтов и ростовщиков. Ударные силы железнодорожников — террористические группы и отряды — формировались из деклассированных элементов — бандитов, воров, сутенеров, профессиональных картежников и тому подобного отребья. Между различными фашистскими группировками в Румынии велась ожесточенная борьба. «Железная гвардия», претендуя на ведущую роль в фашистском движении, предлагала партии А. Кузы объединиться с ней. Кузисты с нескрываемой иронией относились к железнодорожникам, называя их «кучкой скоморохов», «донкихотствующими легионерами». Особым нападкам подвергался главарь «Железной гвардии» Кодряну, который был таким ярким фанатиком, что его считали «божьем придурком», «глупым телком в польском обличье» (намек на его польское происхождение). А правящие круги Румынии сделали ставку именно на «Железную гвардию», поощряя ее деятельность. Они видели в ней силу, которая смогла бы обеспечить защиту и сохранение капитализма и справиться с процессом радикализации масс, усилившимся в Румынии в годы мирового экономического кризиса. Уже в 1930 г. Вайда, Инкулец и Татареску по инициативе Кароля финансировали «Железную гвардию». Железнодорожники тесно сотрудничали с румынской сигуранцей, которая использовала их для ведения террора против коммунистов и других представителей демократических сил. С помощью железнодорожников Кароль II намеревался сломить сопротивление «исторических партий», объявлявших себя защитниками парламентского строя, а в действительности вынашивавших планы установления собственных партийных диктатур. Гитлеровцы связывали с «Железной гвардией» осуществление планов закабаления Румынии германским рейхом и потому оказывали румынским фашистам всевозможную помощь. Только на проведение избирательной кампании в 1937 г. германская миссия в Бухаресте передала Кодряну более 40 млн. лей. При политической и финансовой поддержке румынских правящих кругов, а также германских фашистов «Железная гвардия» стала превращаться в ошутимую политическую силу.

Но «Железная гвардия» во главе с Кодряну, видя, что ее акции повышаются, все не была склонна выступать лишь в роли послушного орудия монархии или буржуазно-помещичьих партий, находившихся у власти. Она стремилась к установлению собственной диктатуры. Приход Гитлера к власти в Германии ободрил румынских фашистов-железнодорожников, вызвав заметную активизацию их деятельности и желание заявить о своих намерениях во весь голос. В июле 1933 г. 800 легионеров съехались в Вишани, в так называемый «трудовой лагерь». Министр внутренних дел А. Калинеску распорядился разогнать этот лагерь. Тогда главарь легионеров, взбешенный действиями министерства внутренних дел, направил премьер-министру письмо, в котором заявлял, что железнодорожники скорее погибнут, чем потерпят унижение. Но эта угроза ни к чему не привела. «Арманд Калинеску, — пишет один зарубежный автор, — был человеком энергичным и волевым, безжалостным к врагам. Еще ребенком он лишился одного гла-

¹² M. Roller. Scrieri istorice și social-politice. București. 1957, p. 178.

¹³ T. Herseni. Op. cit., pp. 10—11.

¹⁴ «Аха», 15. X. 1933.

за, играя с луком. Поэтому он носил на левом глазу черный монокль, придававший его суровому поведению элемент мрачной таинственности. Он тщеславен и все время выставляет себя напоказ, принимая самоуверенную позу, свойственную большинству невысоких ростом людей. Калинеску — до неистовства преданный Каролю человек. По этой причине, как и в силу своей талантливости и твердого характера, он остался в правительстве в феврале 1938 г. (когда Кароль совершил государственный переворот и установил монархо-фашистскую диктатуру. — *Н. Л.*)¹⁵. Калинеску не питал никаких иллюзий относительно «Железной гвардии», выступал ее противником и считал необходимым сохранить внешнеполитическую ориентацию на западные державы.

В конце 1933 г. было сформировано правительство во главе с лидером «старых либералов» И. Дукой, также не скрывавшим своего враждебного отношения к «Железной гвардии». Его первым шагом было решение о роспуске этой организации. Интересно отметить, что прежде Кароль II предлагал издать королевский декрет, запрещающий деятельность «Железной гвардии». Но Кароль предпочел, чтобы это сделал кто-либо другой. Выбор пал на правительство Дуки. Таким путем Кароль II одним выстрелом убивал двух зайцев: наносил удар по Кодряну, заставляя его быть более сговорчивым, и возлагал всю ответственность за этот акт на лидера «старых либералов», отдавая его в руки легионеров. Расчет оказался верным. И 29 декабря 1933 г. железнодорожники учинили расправу над Дукой. Обстоятельства убийства наталкивают на мысль, что оно произошло не без участия королевского двора. Трое убийц ожидали возвращения Дуки с аудиенции у короля на перроне железнодорожной станции Синайя, где находилась загородная резиденция Кароля II, с 11 часов утра до 8 часов вечера. Почему-то никто не обратил на них внимания. В момент покушения по странной небрежности или намеренно на перроне не горел свет и не было ни одного из восьми полицейских, призванных обеспечивать безопасность премьер-министра. Помимо трех студентов, убивших Дуку, правительство арестовало многих железнодорожников. Испуганный отрицательной реакцией общественного мнения, требовавшего сурового наказания руководителей террористической легионерской организации, Кодряну решил укрыться в безопасном месте. Он явился на виллу любовницы Кароля и заявил, что если его арестуют, то железнодорожники убьют ее. Елена Лупеску спрятала его от полиции, переправив в дом своего отца, где произошла затем встреча Кодряну с королем. «Она до поздней ночи обсуждала политические вопросы. И хотя Кароль предлагал ему фактическое партнерство, Кодряну не мог уступить требованию поставить «Железную гвардию» под личный контроль короля. Беседа ничего не дала, кроме того, что Кодряну было гарантировано Каролем II оправдание на суде»¹⁶. Во время этой встречи было достигнуто соглашение, в результате которого легионеры в обмен на поддержку со стороны королевской «камарильи» обязались не нападать на нее. Кодряну, убедившись, что и этот террористический акт «Железной гвардии» сойдет ему безнаказанно, явился в суд, который оправдал его. К тому же убийцы не сознались в связях со своим главарем. В марте 1934 г. в военном трибунале Бухареста состоялся процесс над убийцами Дуки, которые были приговорены к пожизненному заключению. Остальные арестованные железнодорожники, в том числе Кодряну, были освобождены; правительственный комиссар вообще воздержался от выдвижения обвинений против них. Свидетелями защиты на суде выступали Вайда, Маниу и другие лидеры буржуазных партий. Руководствуясь сугубо интересами партийной борьбы против национал-либерального правительства, а также надеждами использовать фашистское легионерское движение против демократических сил, возглавляемых коммунистами, они фактически осудили роспуск «Железной гвардии», назвав этот акт «неумным». На суде Вайда откровенно признал, что, будучи у власти, он поддерживал «Железную гвардию», направляя тем самым буйную энергию реакционной молодежи в «нужное русло» — на борьбу с коммунизмом.

После убийства Дуки был принят «закон о защите государства», который запретил существование «Железной гвардии». Но практически она не прекратила своей деятельности. При благоприятном отношении Кароля II легионерское движение легализуется и начинает выступать под вывеской партии «Все для отечества». Есть основания утверждать, что это название с целью маскировки «Железной гвардии» было придумано самим королем. Официально главой новой партии стал князь Кантакузино-Граничеру, но фактическим руководителем по-прежнему оставался Кодряну. В 1934—1936 гг. легионерское движение, поддерживаемое правящей румынской верхушкой, приобретало все большую силу, а его действия становились день ото дня все более вызывающими. Однако внутри этого движения обострилась борьба за власть между Кодряну и Стелеску, являвшимся ранее правой рукой «капитана». Чтобы избавиться от такого опасного соперника, как Стелеску, Кодряну поручал ему дела, связанные с большим риском. Во время выполнения одного из них Стелеску был арестован и посажен в тюрьму. Находясь там, он написал 12 октября 1935 г. письмо-завещание, в котором обвинил Кодряну в стремлении подчинить легион личным честолюбивым целям и замыслам. Стелеску заявил при этом, что Кодряну будет мстить ему и, видимо, постарается его уничтожить. По выходе из тюрьмы Стелеску официально порвал с «Железной гвардией» и создал собственную партию «Крестовый поход румынизма». Вскоре последовала зверская расправа: восемь

¹⁵ H. Bolitho. Rumania under King Carol. N. Y. 1940, p. 159.

¹⁶ B. Cartland. Op. cit., pp. 143—144.

легионеров-железнодорожников, ворвавшись в больничную палату, где лежал больной Стелеску, нанесли ему 42 огнестрельные раны, а затем изрубили топорами.

Весной 1936 г. легионеры собрались на свой съезд в Тыргу-Муреше. Кароль II и его правительство помогли в устройстве этого съезда, выделив специальный поезд для бесплатного проезда делегатов. Королевская «камарилья» надеялась, что легионеры направят свои действия только против левых сил, в разряд которых она зачисляла даже буржуазно-помещичью оппозицию. В одной из своих речей (1936 г.) Г. Татареску назвал крайне реакционные, фашистские партии, в том числе партию Кузы, «оппозицией порядка», а национал-царанистов и всех, стоящих левее них, — «оппозицией анархии». Но железнодорожники не пошли на примирение с Каролем II и его окружением. По пути в Тыргу-Муреш они сделали остановку в Синае, где организовали своеобразный митинг и требовали: «Смерть Елене Лупеску!» На самом съезде железнодорожники утвердили списки тех, кого приговорили к смерти. Первой в списке стояла фамилия любовницы короля. За подписью Кантакузино-Граничеру ряду буржуазно-помещичьих политиков (А. Калинеску и др.), выступавших против легионеров, были направлены письма с угрозой убийства, если они не уйдут с политической арены. Кароль II, разгневанный отношением железнодорожников к Е. Лупеску, все же не предпринял по отношению к ним никаких решительных мер. Письма легионеров в адрес А. Калинеску и других, содержавшие угрозы, хотя и явились предметом разбирательства, однако королевский прокурор не нашел в них состава преступления. Показательно также, что суд вынес довольно мягкий приговор железнодорожникам за ряд совершенных ими убийств. Самого Кодряну, по приказу которого совершались эти и другие чудовищные преступления, также оставили на свободе.

Для создания популярности железнодорожникам и разжигания антикоммунистической истерии румынская реакция широко использовала участие нескольких легионеров в гражданской войне в Испании на стороне франкистских мятежников. Двум погибшим легионерам были возданы поистине царские почести. Их тела были доставлены из Испании. От румынской границы их везли в специальном поезде, останавливавшемся на каждой станции для проведения митингов. В Бухаресте была собрана огромная толпа, в присутствии которой патриарх Мирон Кристя и 400 священников отслужили торжественную панихиду. В манифестации принял активное участие дипломатические представители Германии и Италии, которые возложили венки от имени Гитлера и Муссолини. 1937 год был объявлен К. Кодряну «годом борьбы и жертв»¹⁷ — годом перехода румынского фашизма в решительное наступление с целью захвата власти. В связи с этим проводилось поголовное вооружение железнодорожников, участвовали случаи их нападения на представителей демократических сил. Легионеры пытались привлечь на свою сторону крайнего реакционера генерала И. Антонеску, который из-за конфликта с королевской «камарильей» был смещен с поста начальника румынского генерального штаба. Оказавшемуся не у дел генералу легионеры предложили стать официально председателем их партии «Все для отчизны» вместо малоавторитетного Кантакузино-Граничеру. Но это предложение не было принято. Еще раньше железнодорожники установили тесную связь с братом Кароля II принцем Николае, занимавшим пост генерального инспектора румынской армии. Отношения между братьями давно были открыто враждебными, свидетельствует К. Арджетоану. Николае намеревался использовать «Железную гвардию» против своего коронованного брата. Когда же конфликт Кароля II с «Железной гвардией» зашел уже далеко, связь Николае с легионерским движением стала опасной для королевской «камарильи». Чтобы устранить ее, делались попытки побудить принца добровольно уехать из страны, но успеха они не имели. Тогда Кароль II прибег к испытанному методу: под предлогом недостойного поведения брата лишить его княжеского титула и права быть членом королевской семьи, благо личная жизнь Николае давала повод для этого. Еще во времена регентства принц Николае познакомился с некоей Сэвяну, ставшей его любовницей. Будучи женщиной практичной и решительной, она сделала так, что ее мужу пришлось согласиться на развод, а принцу Николае — жениться на ней. Оскорбленный супруг, господин Сэвяну, получил в порядке компенсации место румынского консула в Бельгии. Этот брак Николае, заключенный еще в 1931 г. без согласия главы румынской королевской семьи, и послужил затем поводом для решения, принятого коронным советом под председательством Кароля II. Во время заседания совета 9 апреля 1937 г. произошел казус, о котором рассказывается в мемуарах Арджетоану. Премьер Г. Татареску, докладывавший дело принца Николае, оговорился, заявив, что коронный совет собрался для «выяснения дела принца Кароля». Маршал Презан, бросив строгий взгляд на Татареску, поправил его: «Николае, Николае». Смущенный Татареску поспешно извинился: «О, пардон, Николае, конечно, Николае...» Во время этой короткой сцены, свидетельствует Арджетоану, Кароль прикусил губу, а присутствующие, широко раскрыв глаза, посмотрели друг на друга. Маршал Авереску, старческий мозг которого еще не потерял способности к ядовитым выпадам, повернулся к Арджетоану и довольно громко, чтобы слышал король, находившийся по другую сторону стола, заметил не без основания: «Проговорился (Татареску), вообразив, что ныне — все еще времена Винтилы (Братяну, который добивался в свое время решения коронного совета о лишении Кароля права наследовать румынский престол. — Н. Л.)». Исключенного из состава ру-

¹⁷ J. B a n e a. Capitanul. București. S. a., p. 78.

мынской королевской семьи и лишенного права носить княжеский титул, Николае вместе с дамой его сердца выпроводили за границу. Железнодорожники пытались организовать выступления в защиту своего ставленника. В результате последовавших арестов среди железнодорожников, а также тайных переговоров с Кодряну возможность путча устранили. Кароль II все еще надеялся подчинить себе «Железную гвардию» и установить взаимопонимание с его руководством. Кароль II говорил своим приближенным, что не хочет уничтожения «Железной гвардии», а, наоборот, предполагает использовать ее.

На парламентских выборах в конце 1937 г. «Железная гвардия», выступая под названием партии «Все для отечества», добилась значительного успеха, собрав 15,6% голосов избирателей. «Мы одержали победу,— заявил Кодряну.— Скоро она будет полной. Как только мы придем к власти, то заставим всех политиканов, приведших Румынию в нынешнее нищенское положение, строить автостраду Бухарест— Берлин»¹⁸. Успеху железнодорожников на выборах способствовала позиция руководителей национал-царанистской партии, которые заключили с ней так называемый «пакт о ненападении», поднявший политический престиж «Железной гвардии». Кодряну высоко оценил поддержку, оказанную ему в то время лидером национал-царанистов Ю. Маниу. В своем завещании, перечислив вожаков, которым он поручал руководство «Железной гвардией» после его смерти, К. Кодряну записал: «Если и они погибнут, тогда следует обратиться к Юлиу Маниу»¹⁹. Он предлагал легионерскому движению во всем слушаться советов этого национал-царанистского руководителя. Демократические силы Румынии осудили «пакт Маниу— Кодряну». Как писала газета «Dimineața» 29 ноября 1937 г., этот пакт дезориентировал массы. Компартия Румынии отмечала, что ссылки Ю. Маниу на опасность установления диктатуры в стране в случае победы на выборах правительства королевской «камарильи» не могут оправдать чудовищного акта предательства, совершенного руководством национал-царанистской партии. КПП подчеркивала, что борьба с опасностью фашизма должна вестись, независимо от того, исходит он от правительства (Татареску.— Н. Л.) или от «Железной гвардии».

На парламентских выборах ни одна из партий не сумела получить 40% голосов избирателей, необходимых для образования парламентского большинства. Тогда Кароль II поручил формирование правительства представителям фашистской национал-христианской партии, в рядах которой в 1935 г. объединились кузисты— члены «Лиги национал-христианской защиты» и члены так называемой национально-аграрной партии, созданной в свое время Октавианом Гогой, крайне реакционным политиком. Эта партия, собравшая всего лишь 9% голосов, должна была, по мнению Кароля II, являться его послушным орудием. В интервью корреспонденту английской газеты «Daily Herald» (январь 1938 г.) он заявил: «Я— хозяин страны. Это правительство— мое правительство. Оно должно располагать моим одобрением. Когда я буду недоволен его ведением дел, я потребую его смены». Правительство Гоги— Кузы явилось фактическим началом королевской диктатуры, необходимость установления которой обосновывалась тем, что демократия в Румынии «еще молода», не имеет парламентских традиций и поэтому «не способна обеспечить порядок в стране». Гитлеровская верхушка, как видно из сообщения румынского посланника о беседе с Гитлером и Герингом от 21 января 1938 г., с удовлетворением встретила ход событий в Румынии. Гитлер заявил, что подобная эволюция Румынии является первым радостным событием того года. Для борьбы с «внутренним коммунизмом» германское правительство предлагало румынскому правительству организовать сотрудничество, придав ему «технический характер» и строгую секретность²⁰.

В феврале 1938 г. национал-христианское правительство было устранено под предлогом того, что «анархия стала наводнить страну». В стране была установлена открытая королевская диктатура фашистского типа. Правящие румынские круги, испуганные разнузданной демагогией и бандитскими действиями «Железной гвардии», не решились передать власть в ее руки. «Методами, употребляемыми легионерским движением, сеются семена переворота,— писал Д. Братиану.— Что может произойти в случае прихода к власти «Железной гвардии», которая не имеет опытных людей для управления государством, не может обуздать аппетиты, вызванные ее неосуществимыми ожиданиями!» Реакционные политики— ставленники крупной буржуазии и помещиков, связанные с королевской «камарильей», заняли места в правительстве королевской диктатуры, которая означала уничтожение последних демократических, профсоюзных и политических свобод и установление фашистского режима в Румынии.

(Продолжение следует)

¹⁸ «Magazin istoric», 1968, № 1, p. 63.

¹⁹ «Procesul marii tradari nationale». București. 1946 p. 173.

²⁰ Ministerului Afacerilor Externe al RPR, f. 71, Germania, vol. 76, non paginata.